

УДК 821.111

DOI 10.52928/2070-1608-2026-80-4-29-34

**ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(АНАЛИЗ ПЕСНИ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА В ПОЭМЕ ДЖ. Г. БАЙРОНА
«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»)¹**

канд. филол. наук, доц. **Н.В. НЕСТЕР**

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: n.nester@psu.by

Рассматривается «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда» (*Childe Harold's Good Night*) из поэмы Дж. Г. Байрона (George Gordon Byron, 1788–1824) «Паломничество Чайльд-Гарольда» (*Child Harold's Pilgrimage*, 1812–1817) в контексте национальной литературы. С целью синхронно-диахронного анализа данного фрагмента используется историко-контекстуальный метод А.А. Гугнина (1941–2021), позволяющий рассмотреть «Прощальную песнь Чайльд-Гарольда» как в контексте «Паломничества Чайльд-Гарольда» и творчества Дж. Г. Байрона, так и в контексте английской поэтической традиции. «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда» анализируется в сопоставлении с «Последним прощанием лорда Максвелла» (*Lord Maxwell's Last Goodnight*) из «Песен шотландской границы» (*Minstrelsy of the Scottish Border*, 1802) В. Скотта (Walter Scott, 1771–1832), «Сказанием о Старом Мореходе» (*The Rime of the Ancient Mariner*, 1798) С. Т. Кольриджа (Samuel Taylor Coleridge, 1772–1834). При рассмотрении «Прощальной песни Чайльд-Гарольда» используются также дневники и письма Дж. Г. Байрона, позволяющие дополнить интерпретацию данного поэтического фрагмента широким контекстом.

Ключевые слова: анализ художественного текста, контекст, Дж. Г. Байрон, «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда», историко-контекстуальный метод, синхронно-диахронный анализ.

Введение. Творчество английского поэта Дж. Г. Байрона (George Gordon Byron, 1788–1824) в достаточной мере представлено в зарубежном и советском литературоведении. Среди многочисленных критических исследований можно отметить труды В.М. Жирмунского [1], А. Елистратовой [2], А.С. Ромма [3] и многих других. Исследователей привлекает как личность самого Дж. Г. Байрона [4; 5], так и его творческое наследие [6]. Поэма Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (*Child Harold's Pilgrimage*, 1812–1817) также достаточно хорошо изучена [7; 8], однако «Прощальной песне Чайльд-Гарольда» (*Childe Harold's Good Night*) из данной поэмы уделено не так много внимания. Данный фрагмент поэмы «Паломничества Чайльд-Гарольда» привлекает переводчиков, среди многочисленных переводов на русский и белорусский языки можно отметить перевод А.А. Гугнина, опубликованный в литературном альманахе «Литературный ОбъектИФФ» [9], который издавался на историко-филологическом факультете Полоцкого государственного университета с 2014 по 2021 гг.

Текст данного фрагмента любопытен и в плане применения при его рассмотрении историко-контекстуального подхода А.А. Гугнина, позволяющего детально анализировать художественный текст без привлечения биографических сведений об авторе и дополнительной информации об эпохе, в контексте творчества писателя, проводить синхронно-диахронный анализ художественного текста в контексте национальной, европейской, мировой литературы, а также рассматривать художественный текст как хранитель смыслов мировой культуры [10]. Анализ художественного текста на всех девяти уровнях, предложенных А.А. Гугниным, предполагает фундаментальное во всех отношениях исследование, однако использование небольшого по объему поэтического текста позволяет продуктивно применить историко-контекстуальный метод на практике. Поэтому ограничимся при анализе «Прощальной песни Чайльд-Гарольда» несколькими начальными уровнями анализа художественного текста (по А.А. Гугнину), т.к. интерпретировать данный фрагмент без привлечения дневников и писем Дж. Г. Байрона не представляется возможным, равно как и игнорировать отсылки поэта к другим поэтическим произведениям английской литературы, поскольку текст данного фрагмента без использования более широкого контекста теряет в интерпретации.

Основная часть. «Паломничество Чайльд-Гарольда» – лиро-эпическая поэма в четырех частях (песнях). По замечанию И. Шайтанова, «основной текст поэмы, за исключением нескольких лирических вставок (в том числе и знаменитого прощания Чайльд-Гарольда с родиной), написан классической для английской поэзии спенсеровой строфой. Для Байрона важны смысловые ассоциации, сопутствующие этой форме, названной по имени

¹ Так называется девятая лекция из предполагаемого конспекта лекций А.А. Гугнина «Анализ художественного текста», задуманного исследователем в 2005 г. как обобщение научного и педагогического опыта преподавания литературоведческих дисциплин. В девятой лекции предполагалось рассмотрение текста в контексте национальной литературы: синхронно-диахронный анализ на примере английской литературы (Анализ песни Чайльд-Гарольда в поэме Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда»). В Приложении наряду с остальными текстами для практических занятий на языке оригинала приводится фрагмент поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*, 1812 – 1818) «Прощальная песня Чайльд-Гарольда» (*Childe Harold's Good Night*). Данный фрагмент исследователь предлагал для анализа на занятиях с магистрантами и аспирантами Полоцкого государственного университета в 2000–2005 гг.

ее автора, знаменитого разнообразными приемами архаизации поэтического языка» [11, с. 44]. В «Паломничестве Чайльд-Гарольда» есть четыре вставных стихотворения, форма каждого из которых выбрана с учетом ее соответствия заданному содержанию: «Не случайно большая часть текста первой песни обрамлена двумя лирическими вставками: прощание героя и романс “К Инесе”» [11, с. 45]. Форма стихотворения из первой песни – «К Инесе» (*To Inez*) является самой распространенной в английской поэзии: четверостишие с перекрестной системой рифмовки, стихотворный размер – четырехстопный ямб. Во второй части поэмы содержится ритмичная песня-пляска албанских воинов (сулиотов) «Тамбурги! Тамбурги!» (LXXII–LXXIII), в третьей (Песнь у Рейна, LV) воспевается красота природы и историческое величие замков на Рейне. «Прощание Чайльд-Гарольда» с родиной находится в первой части поэмы между строками XIII и XIV песни. Основой данного вставного стихотворения послужила форма английских народных баллад, в которых четные строки написаны трехстопным ямбом, а нечетные – четырехстопным. А.Н. Веселовский отмечает, что «под стать к этому – изображение Гарольда на палубе корабля с арфой в руках, произносящего свое прощание с родиной, тихо перебирая струны» [12]. В отличие от фольклорных произведений, Дж. Г. Байрон рифмует в «Прощании Чайльд-Гарольда» не только четные строки, но и нечетные.

В предисловии к поэме Дж. Г. Байрон пишет, что «“Прости, прости!” в начале первой песни навеяно “Прощанием лорда Максвелла” в “Пограничных песнях”, изданных м-ром Скоттом»² [13, с. 134]. Джон Максвелл, дворянин и поэт, убивший в 1608 г. из мести Джеймса Джонстона, был вынужден бежать во Францию, написанная им по этому случаю, баллада «Последнее прощание лорда Максвелла» (*Lord Maxwell's Last Goodnight*) [15, р. 34–38] была включена В. Скоттом в «Песни шотландской границы» (*Minstrelsy of the Scottish Border*, 1802). Бегство из Шотландии для лорда Максвелла представлено как вынужденная мера, направленная на спасение жизни, т.к. лирический герой должен покинуть родные места и оставить близких. В заглавии баллады «Goodnight» используется метафорически и обозначает не буквальное пожелание «Доброй ночи!», а прощание с тем, что имеет для лирического героя ценность. Эмоциональные проявления лорда Максвелла искренни и адресованы преимущественно тем, перед кем он чувствует глубокую преданность: матери, сестрам, супруге и друзьям. В тексте баллады преобладают грустные интонации, которые реализуются через мотивы расставания с близкими и образ уходящего корабля, который функционирует как символ утраты родины. Так, А.Н. Веселовский отмечает, что «Гарольду вложено было в уста самостоятельно возникшее, как отдельное стихотворение, «Прощание» с отечеством (*Ch. Harold's Good Night*), – по признанию Байрона, внушенное ему в основной мысли старинной балладой лорда Максвелла» [12]. Исследователь подчеркивает самостоятельный характер данного фрагмента, поэтому с такой точки зрения «Прощание» может рассматриваться независимо от текста «Паломничества». По мнению Н.Я. Дьяконовой, в данном варианте баллады «печальный герой не обращает свое страдание в смех, автор не позволяет себе никаких низменных деталей о других пассажирах» [6, с. 44]. Таким образом, Н.Я. Дьяконова обращает внимание на необходимость включения данного фрагмента в текст поэмы, т.к. в нем лирический герой раскрывается в полной мере.

«Прощание Чайльд-Гарольда» состоит из десяти строф, в каждой из которых по восемь строк. Композиция данного фрагмента – кольцевая (прощание → кульминация → невозврат). Мотив прощания с родиной вводится в первой строфе текста: «Прощай, прощай, мой берег родной!...»³ (Здесь и далее, если на указано иное, перевод наш. – Н.Н.). Лирический герой не называет ее *Homeland* – «родина», а – *native shore* – «родным берегом», используя парафраз. При этом мотив расставания с родиной усиливается посредством повторения формулы прощания. Если брать за основу только текст поэтического произведения и учитывать ту информацию, которую предоставляет нам автор, то перед нами – лирический герой, который покидает родину на корабле, поэтому родина для него – это, прежде всего, берег, от которого отчаливает его судно (т.е. отправная точка его путешествия). Однако, если дополнить знание о тексте более широким контекстом, обратившись к дневниковым записям Дж. Г. Байрона, то картина видится в несколько ином свете. Так, в письме матери от 22 июня 1809 г. (Фолмут) Дж. Г. Байрон пишет: «Я отплываю через несколько дней... Передо мною весь мир, и я покидаю Англию без сожалений» [16, с. 21].

Дж. Г. Байрон отправляется в путешествие на Восток в сопровождении своего друга Джона Кэма Хобхауза⁴. Спутниками Дж. Г. Байрона были также Роберт Раштон, сын одного из фермеров Ньюстэда, и слуга Уильям Флетчер (*William Fletcher*, 1775–1839), служивший Байрону до конца его дней. В лирическом фрагменте «Прощание Чайльд-Гарольда» они отражены в образах пажа и йомена. Исходя из дополнительной информации о тексте, нам становится понятно, что лирический герой Дж. Г. Байрона не испытывает никакого сожаления о том, что покидает родную землю. В предисловиях к песням первой и второй Дж. Г. Байрон говорит о том, что «вымышленный герой был введен в поэму с целью связать ее отдельные части: это, тем не менее, не означает, что автор

² «The Good Night in the beginning of the first canto was suggested by Lord Maxwell's Goodnight in the Border Minstrelsy edited by Mister Scott» [14, p. 5].

³ «Adieu, adieu! my native shore...» [14, p. 9].

⁴ Джон Кэм Хобхаус (*John Cam Hobhouse*, 1st Baron Broughton; 1786–1869), сын сэра Веньямина Хобхауса (*Benjamin Hobhouse*, 1757–1831), богатого лондонского пивовара. Учился в Вестминстерской школе (*Westminster School*), затем в Тринити-колледже в Кембридже, вместе с лордом Байроном, с которым путешествовал в 1809 году по Востоку и, посетив часть Европейской Турции, возвратился в Англию; свое путешествие он описал в «Путешествие в Албанию и другие провинции Османской империи» (*Journey into Albania and other provinces of the Turkish empire*, 1812). Дж. Г. Байрон посвятил ему четвертую песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» [13, с. 233–289].

не намерен допускать отступлений»⁵ [13, с. 133–134], однако не следует этому принципу до конца, т.к. лирический герой сливается с личностью автора, наделяющего его биографическими чертами. Титул лирического героя «Чайльд» был выбран автором «как наиболее сообразный со старинной формой стихосложения»⁶ [13, с. 133–134].

Родина осмысливается лирическим героем через образ заходящего солнца, исчезающего за горизонтом и тем самым соотносимого с мотивом временного прощания. В строках «До свидания ненадолго ему и тебе / Моя родная Земля – Доброй Ночи!»⁷ прощание адресуется одновременно солнцу и отчизне, что позволяет интерпретировать данный эпизод не как окончательный разрыв с родиной, а как временное расставание, предполагающее возможность возвращения. Огромную роль в создании этого смысла играют притяжательное местоимение «*my*» и прилагательное «*native*», подчеркивающие личную, эмоционально значимую связь героя с родной землей. Тем самым в текст вводится субъективно окрашенное переживание, а пространственный образ родины последовательно расширяется: от «*my native shore*», т.е. родного берега, до «*My native Land*» – земли, исчезающей за линией горизонта.

При этом можно отметить определенную цикличность мотива прощания, обратив внимание на десятую, завершающую фрагмент, строфу, которая оказывается точно такой же, что и финальная строка первой строфы. Подобная повторяемость присуща балладному жанру, для которого характерен рефрен и заключительная полустрофа – «посылка» (обращение к адресату) [17, с. 69]. Если обратиться все к той же десятой строфе, то обнаруживаем, что лирический герой бежит от того, что связывает его с родной землей и не стремится вернуться обратно, мечтая направить корабль куда угодно, только не к отправной точке своего путешествия: «Не заботясь, к какой земле я приближаюсь, / Только бы не к своей»⁸. Таким образом, мотив прощания с родиной превращается в мотив бегства с родины, причина которого не определяется лирическим героем отчетливо. Так, И.Л. Забогонская отмечает, что «вставная песня «*Adieu, adieu!*» представляет собой прощание не только с родиной, но и с прежней жизнью, с теми узами, которые ограничивали его там, на берегу. И цель этого бегства тоже точно географически не определена...» [8, с. 105].

Лирический герой отправляется в путь во второй половине дня, что позволяет соотнести его движение с образом заходящего солнца, символизирующего не только завершение суточного цикла, но и окончание определенного жизненного этапа. Таким образом, путешествие приобретает значение сознательного разрыва с прошлым, с тем, что некогда составляло мир лирического героя. Корабль в данном фрагменте является временным пристанищем лирического героя, пространством воспоминаний и объектом движения, соразмерным бескрайнему морскому пространству. Данное соотношение усиливает мотив одиночества, наиболее отчетливо выразившийся в строках «И теперь я в мире один, / На широком-широком море»⁹, где одиночество осмысливается как предельное состояние лирического героя. Дополнительную информацию добавляет отсылка к «Сказанию о Старом Мореходе» С. Т. Кольриджа, в частности, перифраз строк 233 и 598 «Один на широком-широком море»¹⁰, что позволяет рассматривать данный фрагмент в контексте английской романтической традиции. В данном фрагменте выражено состояние абсолютного одиночества героя, однако, если у С.Т. Кольриджа одиночество старого моряка является наказанием за содеянное, то у Дж. Г. Байрона одиночество – это эмоциональное состояние, к которому стремится лирический герой. Повтор эпитета «*wide*» усиливает впечатление бескрайности пространства и одновременно подчеркивает беспомощность человека перед стихией. Морской пейзаж становится своего рода проекцией душевного состояния лирических героев. Повтор и восклицательная интонация у С. Т. Кольриджа создают в поэтическом тексте эффект предельного напряжения. В конце данной фразы у Дж. Г. Байрона стоит двоеточие, за которым следует объяснение причины одиночества лирического героя.

Несмотря на присутствие на корабле близких ему людей, лирический герой переживает состояние одиночества, обусловленное не столько изоляцией, сколько утратой уверенности в подлинной эмоциональной связи с теми, кого он оставил на берегу. Постепенная удаленность от родного берега приводит его к мысли, что солнце опять взойдет над морем, чтобы «дать новую жизнь завтрашнему дню»¹¹, и лирический герой сможет поприветствовать все то, что он увидит, освещенное солнечным светом: «И я поприветствую море и небеса, / Но не свою матушку-землю»¹². Воспоминания героя включают образ оставленного дома, который после отъезда хозяина приходит в запустение, а также собаки, напрасно ожидающей у ворот. В этом отношении внутренний монолог лирического героя может быть соотнесен и с авторской интенцией, поскольку подобные образы допускают биографическое прочтение. Особую значимость приобретает образ верного четвероногого друга, упомянутого ранее, который будет напрасно тосковать до тех пор, пока не получит пищу из рук чужого человека. Однако идиллическое представление о преданности животного подвергается ироническому переосмыслению через аллюзию на эпизод встречи Одиссея с Аргусом¹³ [19, с. 290–327]: «Возможно, моя собака будет скулить напрасно, / Пока не

⁵ «A fictitious character is introduced for the sake of giving some connection to the piece; which, however, makes no pretension to regularity» [14, p. 5].

⁶ «is used as more consonant with the old structure of versification which I have adopted» [14, p. 6].

⁷ «Farewell awhile to him and thee, / My native Land – Good Night!» [14, p. 10].

⁸ «Nore care what land thou bear'st me to, / So not again to mine» [14, p. 14].

⁹ «And now I'm in the world alone, / Upon the wide, wide sea» [14, p. 12].

¹⁰ «Alone on a wide wide sea!» [18, p. 15; 34].

¹¹ «To give the Morrow birth» [14, p. 10].

¹² «And I shall hail the main and skies, / But not my mother earth» [14, p. 10].

¹³ Одиссея, XVII, 290 – 327. Перевод В. Жуковского.

поест из рук странника; / Но скоро я вернусь снова / Она будет готова разорвать меня на месте»¹⁴. В аналогичном ироническом ключе образ собаки развивается и в «Дон Жуане» (*Don Juan*, 1819–1824), где Дж. Г. Байрон использует образ Аргуса для разрушения традиционного ожидания верности собаки к хозяину: «Не все мужья, как славный Одиссей, / В объятья Пенелопы попадают, / Не все супруги ждут своих мужей / И холодно любовников встречают: / Порой, застыв пред урной своей, / Скиталец потрясенный замечает, / Что друг – отец детей его жены, / И свой же Аргус рвет ему штаны!»¹⁵ [20, с. 172 – 173]. В то же время в стихотворении «Надпись на памятнике Ньюфаундлендской собаке» (*Inscription on the Monument of a Newfoundland Dog*, 1808) и в эпитафии Ботсвайту в Ньюстэдском аббатстве этот мотив получает иное воплощение, основанное не на иронии, а на искреннем и эмоционально непосредственном выражении привязанности хозяина к собаке.

Лирический герой обращается к стихии как к силе, способной содействовать внутреннему очищению и эмоциональному успокоению: «Пусть ветры воют, пусть волны вздымаются высоко / Я не боюсь ни волн, ни ветра»¹⁶. Однако уже в следующих строках обнаруживается противоречие, поскольку отсутствие страха и печали лирического героя вступает в несоответствие с ситуацией расставания с родиной и родителями. Стихия становится отражением внутреннего состояния героя, образы природы не описывают чувство напрямую, а переводят его в звуки, краски и движение, создавая эмоциональный эффект. Как отмечает Н.Я. Дьяконова, «в прощальной песне чувства Гарольда соотнесены с беспредельностью океана и небесной твердью, со страной, им покинутой, и с материками его ожидающими. Грустный напев сливается с гулом волн и криком чашек, тающие вдали берега Англии – с синью моря и неба. Лирический пейзаж Байрона с его «размытыми» линиями и красками очень близок картинам романтического художника-мариниста Чарльза Тёрнера» [6, с. 45].

Несмотря на то, что лирический герой сетует на собственное одиночество, тем не менее, он на корабле не один. Его сопровождают паж и оруженосец. Н.Я. Дьяконова отмечает, что «песня Чайльд-Гарольда» включает диалог – с пажом и оруженосцем, и искренне переживаемое ими горе расставания с родными резко подчеркивает странную, необычную скорбь Чайльд-Гарольда» [6, с. 45]. В тексте «Прощания» образ пажа выстраивается по принципу контраста по отношению к лирическому герою, т.к. в отличие от Чайльд-Гарольда, он не способен отказаться от всего, что оставляет на родине: «Иди сюда, сюда, мой маленький паж! Почему ты причитаешь и плачешь? / Или ты боишься бушующих волн, Или ты дрожишь при виде шторма? Но просочилась слеза из твоего глаза...»¹⁷. В данных строках противопоставляется двойственность романтического переживания, т.к. для пажа прощание с родиной является источником его страдания, а для лирического героя – путем к освобождению. Прототипом для создания образа «маленького пажа» послужил Роберт Раштон, сын одного из ньюстэдских фермеров, настолько истосковавшийся в пути, что из Гибралтара Дж. Г. Байрон отправил его обратно вместе с Джо Мерреем, престарелым слугой Байронов [16, с. 362], о чем он пишет в письме к матери: «Роберта я беру с собой; он мне нравится, потому что он вроде меня – такой же одинокий пес. Прошу вас сообщить м-ру Раштону, что сын его здоров и благополучен» [16, с. 21].

Лирический герой не утратил способности к сопереживанию, несмотря на разочарование в светской среде и пережитые ошибки. В разговоре с пажом он упоминает родителей, при этом расставание с отцом мыслится как менее травматичное, поскольку тот уже смирился с его решением, тогда как для матери разлука с сыном является источником продолжительного страдания. Обращаясь к спутнику, лирический герой признает выражение его чувств, утверждая, что слезы на лице пажа выглядят естественно, тогда как самому герою они были уместны при его искренности: «Если бы у меня было твое невинное сердце, / Мое собственное не было бы бесстрастным»¹⁸. Лирический герой отказывается как от ностальгии по прошлым удовольствиям, так и от страха перед будущими опасностями: «Я не печалюсь из-за удовольствий прошлого; / Не из-за предстоящих опасностей; / Мое великое горе в том, что я ничего не оставляю, / Что стоило бы слез»¹⁹. При этом истинная скорбь Чайльд-Гарольда связана не с отдельным событием, а с осознанием собственной незначительности. В данных строках раскрывается не настроение отдельного человека, а образ байронического героя, которого переполняет чувство опустошенности, отчужденности от мира и невозможности обрести полноту существования.

Вступая в диалог с другим своим спутником – йоменом, лирический герой пытается уличить его в трусости перед лицом опасности – врагов-французов или шторма: «Иди сюда, сюда, мой верный йомен, / Почему ты так бледен? / Или ты боишься французского врага? / Или ты дрожишь от шторма?»²⁰. Чайльд-Гарольд судит о людях по себе и поэтому думает, что воин побледнел от обычного страха перед штормом или французскими

¹⁴ «Perchance my Dog will whine in vain, / Till fed by stranger hands; / But long ere I come back again, / He'd tear me where he stands» [14, p. 14].

¹⁵ «An honest gentleman at his return / May not have the good fortune of Ulysses; / Not all lone matrons for their husbands mourn, / Or show the same dislike to suitors' kisses; / The odds are that he finds a handsome urn / To his memory and two or three young misses / Born to some friend, who holds his wife and riches – / And that Aw Argus bites him by the breeches» [21, p. 89].

¹⁶ «Let winds be shrill, let waves roll high, / I fear not wave nor wind» [14, p. 10].

¹⁷ «Come hither, hither, my little page! / Why dost thou weep and wail? / Or dost thou dread the billows' rage, / Or tremble at the gale? / But dash the tear-drop from thine eye» [14, p. 10].

¹⁸ «If I thy guileless bosom had, / Mine own would not be dry» [14, p. 11].

¹⁹ «For pleasures past I do not grieve, / Not perils gathering near; / My greatest grief is that I leave / No thing that claims a tear» [14, p. 12].

²⁰ «Come hither, hither, my staunch yeoman, / Why dost thou look so pale? / Or dost thou dread a French foeman? / Or shiver at the gale?» [14, p. 11].

врагами. Однако слуга резко отвергает это предположение, объясняя, что его бледность вызвана не страхом за жизнь, а тревогой за судьбу жены и детей, оставшихся без отца, именно поэтому эмоциональный центр строки смещается с личной безопасности на ответственность перед семьей: «Моя супруга и мальчики живут возле твоего дома, / Около берега озера, / И когда они спросят о своем отце, / Какой ответ она даст?»²¹. Автор показывает огромную разницу между героями: пока богатый Чайльд-Гарольд страдает от скуки и бежит в никуда, его простой слуга точно знает, ради кого живет, ценит свой дом и несет ответственность за близких людей. Если юный паж в предыдущих строках воплощал привязанность к родителям, то йомен символизирует долг и супружескую верность. На фоне своих слуг Чайльд-Гарольд, бегущий от бесцельной жизни, выглядит еще более одиноким и духовно опустошенным.

Останавливая рассуждения йомена, лирический герой признает правомерность его переживаний, однако при этом стремится сохранить внешнюю невозмутимость, скрывающую глубокую внутреннюю тоску («Твое горе пусть никто не отрицает»)²². Чайльд-Гарольд пытается защитить себя от душевной боли, бежит от человеческих привязанностей и от самого себя («Но я, пребывая в легкомысленном настроении, / Буду смеяться, исчезая вдали»)²³, выбирая полное одиночество вместо семейного тепла, которое есть у его слуг. Вместе с тем за маской гордого цинизма обнаруживается подлинный трагизм героя. Его признание «Мое великое горе в том, что я ничего не оставляю, / Что стоило бы слез»²⁴ выявляет не страх перед грядущими опасностями и не сожаление о прошлом, а осознание собственной духовной пустоты и отсутствия в его жизни значимых отношений. В то время как слуги оплакивают родных и близких, Чайльд-Гарольд приходит к пониманию того, что он не оставляет после себя никого, кто мог бы искренне скорбеть о нем, и сам не находит в мире ни одного человека, достойного его глубокой эмоциональной привязанности. Таким образом, в данном фрагменте раскрывается не состояние лирического героя, а характерные для байронического героя внутренняя опустошенность и одиночество.

Заключение. «Прощальная песнь Чайльд-Гарольда» Дж. Г. Байрона рассматривается как ключевой фрагмент поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», существуя не изолированно, а в диалогической связи с другими поэтическими произведениями английской литературы. Синхронно-диахронный анализ выполнен с использованием историко-контекстуального метода А.А. Гугнина, позволяющего проанализировать «Прощальную песню» одновременно в контексте «Паломничества Чайльд-Гарольда» и творчества Дж. Г. Байрона, а также английской поэтической традиции XIX века (творчеством В. Скотта и С.Т. Кольриджа). Историко-контекстуальный подход позволяет установить, что текст «Прощальной песни» соотносится не только с литературными источниками, но и с биографией Дж. Г. Байрона, что существенно углубляет его интерпретацию. С одной стороны, проанализированный фрагмент связан с конкретной ситуацией отплытия и мотивом расставания Дж. Г. Байрона с родиной, с другой – выражает общий для байронического героя комплекс состояний, включающий отчужденность, одиночество и т.д.

Сопоставительный анализ «Прощальной песни» с двумя ключевыми текстами – «Последним прощанием лорда Максвелла» В. Скотта из «Песен шотландской границы» (1802) и «Сказанием о старом мореходе» (1798) С. Т. Кольриджа – позволил выявить общие и особенные черты поэтического текста, подчеркивающие связь Дж. Г. Байрона с английской поэтической традицией. Проанализированный фрагмент поэмы «Паломничества Чайльд-Гарольда» отсылает к тексту баллады В. Скотта, обнаруживая разный посыл прощания с родиной лорда Максвелла (вынужденный отъезд против воли лирического героя) и Чайльд-Гарольда (добровольное отплытие). С произведением С. Т. Кольриджа сближает мотив одиночества лирического героя Дж. Г. Байрона, а также образы корабля и моря, символизирующие собой пространство изоляции лирического героя от внешнего мира.

«Прощальная песнь Чайльд-Гарольда» является фрагментом поэмы Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», тем не менее, может рассматриваться независимо от неё, как самостоятельное произведение, т.к. носит характер вставного фрагмента несмотря на то, что дополняет и углубляет текст всей поэмы. Обращение Дж. Г. Байрона к балладной традиции, мотивам прощания, разлуки и странствия свидетельствует о сознательном использовании национального литературного опыта при создании образа лирического героя. В то же время мотив прощания, отсылающий к тексту баллады В. Скотта, является частотным мотивом поэтического наследия Дж. Г. Байрона и реализуется в таких поэтических текстах, как «Прощание с Мальтой» и многих других, что предполагает рассмотрение мотива прощания в контексте творчества Дж. Г. Байрона.

Творчество английского поэта оказало огромное влияние на европейскую литературу, в том числе на творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и многих других, что предполагает подключение произведений других авторов при анализе «Прощальной песни Чайльд-Гарольда» Дж. Г. Байрона. Так, стихотворение-элегия А.С. Пушкина «Погасло дневное светило» (1826) является свободной вариацией мотивов «Прощания» Чайльд-Гарольда из первой песни поэмы. Таким образом, использование при анализе «Прощальной песни Чайльд-Гарольда» Дж. Г. Байрона произведений представителей национальной, европейской и мировой литератур, как в синхронии, так и в диахронии, позволяет рассматривать байроновский текст как пример хранителя смыслов мировой культуры (по А.А. Гугнину).

²¹ «My spouse and boys dwell near the hall, / Along the bordering Lake, / And when they on their father call, / What answer shall she make?» [14, p. 11].

²² «Thy grief let none gainsay» [14, p. 11].

²³ «But I, who am of lighter mood, / Will laugh to flee away» [14, p. 12].

²⁴ «My greatest grief is that I leave / No thing that claims a tear» [14, p. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л.: Наука, 1978. – 423 с.
2. Елистратова А.А. Байрон // Наследие английского романтизма и современность / А.А. Елистратова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 507 с. – С. 243–340.
3. Ромм А.С. Джордж Ноэл Гордон Байрон. – Л.; М.: Искусство, 1961. – 139 с.
4. Моруа А. Байрон / пер. с фр. М. Богословской; вступ. ст. Т.Е. Комаровской. – Минск: Полымя, 1986. – 414 с.
5. Joseph M. K. Byron the poet. – London: Gollancz, 1964. – 352 p.
6. Дьяконова Н.Я. Лирическая поэзия Байрона. – М.: Наука, 1975. – 168 с.
7. Кузьмин Б.А. Жанр лиро-эпической поэмы Байрона // О Голдсмите, о Байроне, о Блоке...: Статьи о литературе / Б.А. Кузьмин. – М.: Худ. лит., 1977. – 310 с. – С. 37–71.
8. Забогонская И.Л. Поэма Дж.Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» в контексте понятий «путешествие» и «паломничество» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 102–111.
9. Байрон Дж. Г. Прощальная песня Чайльд Гарольда / Пер. с англ. А. Гугнина // Литературный ОбъектИФФ. – Новополоцк: ПГУ, 2020. – Вып. 11. – С. 14–15.
10. Гугнин А.А. Введение в анализ поэтического текста // Контексты мировой литературы: сб. науч. ст. – Новополоцк: ПГУ, 2011. – С. 22–29.
11. Шайтанов И. Байрон // Зарубежные писатели. Биобиблиогр. слов. В 2 ч. – Ч. 1. А – Л / Под ред. Н.П. Михальской. – М.: Просвещение: Учеб. лит., 1997. – С. 43–49.
12. Веселовский А.М. Паломничество Чайльд-Гарольда (предисл.). – URL: <https://ino-lit.ru/lit/text/334/5933/Byron/chajld-garold-veselovskij.htm> (дата обращения: 01.06.2026).
13. Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда // Собр-е соч.: в 4 т. / сост. и общ. ред. Р.Ф. Усмановой. – М.: Правда, 1981. – Т. 2. – С. 133–289.
14. Childe Harold's Pilgrimage: a Romaunt by Lord Byron. – New York: Thomas Y. Crowell&Co. Publishers, 2007. – 340 p.
15. Scott W. Lord Maxwell's Last Goodnight // The English and Scottish Popular Ballads / Ed. by F. J. Child. – Part VII. – Houghton: Mifflin and Company, Boston 1890. – P. 34–38.
16. Байрон Дж. Г. Дневники. Письма. – М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1963. – 440 с.
17. Гаспаров М.Л. Баллада // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НИП «Интелвак», 2001. – Стб. 69.
18. Coleridge S. T. The Rime of the Ancient Mariner. – Oklahoma City: The Harlow Publishing Company, 1930. – 110 p.
19. Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Просвещение, 1987. – 400 с.
20. Байрон Дж. Г. Дон Жуан // Собр-е соч.: в 4 т. / сост. и общ. ред. Р.Ф. Усмановой. – М.: Правда, 1981. – Т. 1. – 618 с.
21. Lord Byron's Don Juan. – Philadelphia: Published by Jas. B. Smith&Co, 1859. – 464 p.

Поступила: 12.05.2026

**TEXT IN THE CONTEXT OF NATIONAL LITERATURE:
SYNCHRONIC-DIACHRONIC ANALYSIS USING ENGLISH LITERATURE AS AN EXAMPLE
(ANALYSIS OF CHILDE HAROLD'S SONG IN G. G. BYRON'S POEM
"CHILDE HAROLD'S PILGRIMAGE")**

N. NESTER
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article examines "Childe Harold's Good Night" from George Gordon Byron's (1788–1824) poem "Childe Harold's Pilgrimage" (1812–1817) in the context of national literature. To perform a synchronic-diachronic analysis of this passage, the historical-contextual method of A. A. Gugin (1941–2021) is used, which makes it possible to consider "Childe Harold's Good Night" both in the context of "Childe Harold's Pilgrimage" and the work of G. G. Byron, as well as in the context of the English poetic tradition. "Childe Harold's Good Night" is analyzed in comparison with "Lord Maxwell's Last Goodnight" from "Minstrelsy of the Scottish Border" (1802) by Walter Scott (1771–1832) and "The Rime of the Ancient Mariner" (1798) by Samuel Taylor Coleridge (1772–1834). When examining "Childe Harold's Good Night", the diaries and letters of G. G. Byron are also used, allowing for a broader contextualization of the interpretation of this poetic fragment.

Keywords: analysis of literary text, context, G. G. Byron, "Childe Harold's Good Night", historical-contextual method, synchronic-diachronic analysis.